

Мо Шу предположил, будто Нань Гэ'эру не нравится, когда он убивает людей, но он ни сном ни духом не ведал о том, что в действительности Нань Гэ'эра пугало прагматичное выражение, что появлялось у него на лице, когда он принимался косить людей.

Нань Гэ'эру удалось пережить это лишь потому, что он уже дважды оказывался на грани между жизнью и смертью, что в итоге, вроде как, каждый раз завершалось мучительной смертью. К тому же он куда более упорно цеплялся за жизнь, чем любой другой среднестатистический человек. Если бы на его месте оказался кто-нибудь хотя бы чуть менее стойкий, этот человек, скорей всего, давно бы сломался.

В своей первой жизни он сгорел заживо в пылающем пламени. Это едкое зловоние, исходящее от собственного уничтоженного тела, ужасающее чувство, что нечем дышать, - все это он когда-то уже испытал.

А затем, пять лет назад, его пытали на протяжении целых трех лет. Он вынес самые разнообразные пытки: избиение кнутом, огненный столб, иглы, пронзавшие кости. Страдая от способного свести с ума голода, он даже охотно принялся употреблять в пищу грязный известковый налет, что появлялся в воде. Эта ледяная вода была настолько пронизывающе холодна, что едва не заморозила саму его душу.

С каждым прожитым мгновением он медленно и неотвратимо приближался к своей гибели. Но наиболее приводящим в отчаяние для него стало то, что все это происходило с ним по воле того, кого он защищал с самого детства. Он почувствовал себя освобожденным от всего, только когда его сбросили со скалы.

Людям нужна была мирная смерть; в этом заключалась милость, дарованная им Небесами. Жалея людей за то, как тяжело им приходилось трудиться на протяжении всей своей жизни, Небеса даровали им естественную смерть от старости. Но если кто-то умирал в мучениях, не оставляя после себя даже неповрежденного трупа, - это было небесное наказание. Человеку приходилось переживать мучительный конец в наказание, что позволяло ему раскаяться в совершенных прежде нехороших поступках.

Однако, в конце концов, каждого из них Небеса все равно одаривали своей милостью. Поскольку неважно, была то естественная смерть или расплата за прегрешения, - их жизнь в любом случае заканчивалась смертью. После нее не приходилось больше ни страдать, ни тревожиться о неизвестности будущего - оставалось лишь отдыхать, предаваясь мирному, продолжительному забытию.

Но что, если человек просто не может умереть естественной смертью? А вместо этого продолжает страдать, один раз умерев, но в конце концов все равно не способен отправиться на тот свет. Его действительно можно было считать брошенным на произвол судьбы волей Небес. Он ни малейшего понятия не имел, чем так прогневил Небеса или какой такой непростительный грех совершил, заставив судьбу возненавидеть само его существо. Поскольку в итоге ему, как ни крути, все равно придется еще раз умереть. И, кто знает, сколько еще страданий его ожидает, пока он не сможет заснуть навсегда?

Вот почему он жаждал упокоения. Раз уж ему все равно предстоит умереть, почему бы не ускорить этот процесс и не закончить свою жизнь чистой и беспрепятственной смертью, по-прежнему сохраняя ясную голову, чтобы избежать невыносимых мучений в непредсказуемом будущем. В конце концов, его изводил не только страх продолжения собственной жизни, но и страх перед тем, что может принести ему завтрашний день. Только это, и ничего кроме. Хотя в итоге он все-таки решил жить дальше.

"Пусть эта жизнь полна жутких мучений, я все равно хочу продолжать жить".

На этот раз ему пришлось целых полмесяца лежкой проваляться в постели. Само собой, Новый год он тоже провел, лежа на простынях.

К человеку, которого они должны были сопроводить изначально, отрядили других провожатых, которые и доставили его в Гуантянь, тогда как Мо Шу проводил все свое время, составляя компанию Нань Гэ'эру, пока они в мире и покое проживали свои дни в городке страны Цзюнь Яо. Житель Гунтянь, обосновавшийся в этом маленьком городке, был торговцем. Кто знает, каким образом он этого добился, но на протяжении всего времени их пребывания там ни один правительственный чиновник не потревожил их покой, чтобы допросить об убийстве более двадцати человек, что случилось в тот день.

После неоднократных клятв в том, что Нань Гэ'эр действительно теперь вне опасности, доктора наконец отпустили и позволили ему вернуться обратно - пусть присматривать за Гуантянь остался его ученик, на душе у него было куда спокойней, когда он занимался этим самостоятельно.

Пока Мо Шу еще неделю оставался возле выздоравливающего Нань Гэ'эра миновала половина первого месяца по лунному календарю. Несмотря на то что жизнь его была спасена, его исхудавшие щеки в ближайшее время точно не смогут округлиться. Это еще какое-то время не позволяло Мо Шу успокоиться. Однако его работу в Гуантянь нельзя было забрасывать слишком надолго. Поэтому, как только Нань Гэ'эр немного оправился, они вместе снова направились в Бэйцзюнь.

Мо Шу и впрямь, как и обещал, не убил ни души на протяжении всего путешествия. Пусть Нань Гэ'эр не заметил, чтобы тому приходилось прилагать хоть какие-то усилия, чтобы сдерживаться, но, позволь он Мо Шу свободно убивать, скорей всего, кровь текла бы рекой на протяжении всего их пути от Цзюнь Яо и вплоть до Бэйцзюнь. Как бы то ни было, он оставался обычным человеком, который не мог отмахиваться от человеческих жизней, как это делал Мо Шу. Проведя столько лет в Гуантянь, Нань Гэ'эр осознал, что его сердце смягчилось, хотя, возможно, это и сделало его более слабым.

Сегодняшний день походил на все предыдущие. Они ехали верхом на коне, прогуливаясь по улочкам оживленного города - сегодня они должны были остановиться на ночлег в усадьбе некоего зажиточного купца. Едва услышав, что мимо будет проезжать сам Мо Шу, этот купец приказал слугам подготовить еду и место для проживания им обоим.

Если бы не встреча с Мо Шу, Нань Гэ'эр никогда б не узнал, что этот богатый, славящийся во всех четырех странах купец в действительности был жителем Гуантянь. Но, мгновение поразмыслив, он понял, что в этом не было ничего необычного. Разве могли жители Гуантянь делать что-нибудь хуже, чем чужаки? Каждый из них являлся сливками общества; среди них попросту не было бесталанных людей.

Этот город оказался куда больше, чем предыдущий, а наряды прохожих стали намного более красочными и роскошными, чем в ранее виденном ими маленьком городке. Однако двое мужчин, ехавших на коне, все равно притягивали к себе бесчисленное множество взглядов. Не говоря уже об их самобытных нарядах и внешности Мо Шу, вызывающей кучу проблем. Кое-кто при виде их даже принимался шептаться друг с другом и чесать языками.

Нань Гэ'эр был полным профаном по части боевых искусств, а оттого не мог расслышать, о чем они говорили. Однако весьма искусный в боевых искусствах Мо Шу обладал более чем выдающимся слухом. Он почувствовал себя недовольным, едва услышав эти омерзительные слова. Следуя своей обычной привычке, если человек не принадлежал Гуантянь, стоило тому провиниться хотя бы тем, что он случайно оказался у него на пути, и Мо Шу без малейшего колебания нанес бы удар. Порой он рубил людям головы вообще безо всякой на то причины. Для него убивать этих слабаков было не сложнее, чем давить муравьев. Даже окажись их тысячи три или четыре - это просто заняло бы чуть больше времени. Теперь же, когда эти бесполезные существа выбалтывали такие неприглядные слова, прикончить их десять раз и то не хватило бы, чтобы погасить закипевший в нем гнев.

Рука Мо Шу сама собой потянулась к опоясывающему его пояс гибкому мечу и прикоснулась к нему. Сидящий в объятиях Мо Шу Нань Гэ'эр явно заметил его действия. "Должно быть, Мо Шу снова захотелось заняться убийствами". Нань Гэ'эр тут же потянулся рукой и схватил Мо Шу за запястье:

- Поехали.

Живя среди обычных людей, выходцам из Гуантянь, должно быть, приходилось прилагать немало усилий, чтобы среди них раствориться. Если бы Мо Шу продолжил свой убийственный разгул, это безусловно еще сильнее усложнило бы им эту задачу. Возможно, именно на это указывал доктор, прося Нань Гэ'эра сдерживать порывы Мо Шу.

Мо Шу отпустил меч и вместо этого погладил Нань Гэ'эра по голове:

- Мм, - другой рукой он тряхнул поводья, понукая коня продолжить путь.

Нань Гэ'эр высунул голову из объятий Мо Шу, после чего скользнул по этим сплетникам взглядом. Так как у него оказалось маловато времени, чтобы оправиться от перенесенной болезни, размером его личико стало не больше ладони. От этого его бегающие по сторонам глаза казались огромными и очень сообразительными. Однако любой, кто встречался с ним взглядом, чувствовал, как его волосы встают дыбом. Взгляд его пробирающих до глубины души глаз был холодным, как лед. Он смотрел на них так, будто уже видел, как они умирают у него

на глазах. Но в действительности они даже представить себе не могли, что их хладные трупы уже валялись бы на земле, если бы не присутствие Нань Гэ'эра.

Нань Гэ'эр в самом деле не возражал, когда Мо Шу заявил, что никогда не станет убивать у него на глазах. Но поступил он так лишь потому, что не хотел видеть, каким беспощадным становится Мо Шу во время убийства. Как и в любое другое время, он чувствовал, что не в состоянии контролировать свою реакцию. Но все же не рассказал Мо Шу, что было у него на уме, не желая, чтобы Мо Шу узнал, что он чисто инстинктивно боится его.

Мо Шу явно считал такое поведение само собой разумеющимся, но Нань Гэ'эра это пугало до чертиков; он просто не мог вывалить на Мо Шу свои соображения, заставив того чувствовать себя сбитым с толку. Пусть Мо Шу и не признавался в этом напрямую, Нань Гэ'эр более-менее догадывался, что его магистрат не находил ничего плохого в своем поступке. И это же было самым ненормальным в Мо Шу. Однако Нань Гэ'эр понятия не имел, как ему это объяснить, поэтому у него не оставалось иного выбора, кроме как позволить Мо Шу и дальше неправильно его понимать. Как раз из-за этих излишне прагматичных взглядов Мо Шу он и оказался не в состоянии все с ним прояснить.

К тому же именно тот факт, что Мо Шу, даже не зная причины вспышки болезни Нань Гэ'эра, без малейшего колебания принял решение сдержать свое желание убивать, и стал причиной, по которой Нань Гэ'эр предпочел, чтобы Мо Шу не осознавал, какой именно страх терзает его. Уж лучше пусть он неправильно его понимает, чем поймет, что Нань Гэ'эр боится его. "Я сейчас и без того немногим владею, потому не хочу утратить даже единой частицы того, что у меня есть".

Белый конь галопом провез по улочкам двоих человек, остановившись перед усадьбой, расположенной в самом конце главной улицы. Слуги уже ожидали их возле ворот. Возглавляла встречающих пожилая госпожа, за ней стояло несколько крепко сбитых мужчин, а еще дальше за ними - их семьи. Еще там столпилась прислуга самых разных размеров и возрастов, едва не перегородив всю улицу.

- Вы наконец-то прибыли, сяншэн, - пожилой госпоже было под шестьдесят, и выглядела она очень даже достойно. Она обладала здоровым цветом лица и звучным голосом. - В этом путешествии вам, должно быть, пришлось нелегко.

Мо Шу подъехал на своем коне к пожилой госпоже и спешил. Следом за тем он протянул руки, чтобы опустить на землю и Нань Гэ'эра, а после помог юноше твердо встать на ноги.

- Нам нужно немного отдохнуть, - Мо Шу поддержал слегка покачивающееся тельце Нань Гэ'эра, а затем с улыбкой обратился к пожилой госпоже: - Чжи Нянь, все уже приготовлено?

Нань Гэ'эр давно заметил, что Мо Шу представал в своем обычном образе ласкового и доброго Мо Шу сяншэна, когда имел дело с жителями Гуантянь; но стоило ему только столкнуться с чужаками, как он, без исключения, тут же сходил с ума, превращаясь в кровожадного демона, - и любой, хоть мало-мальской причины, хватало, чтобы спровоцировать

его убийственную ярость.

- Конечно, - отозвалась пожилая госпожа, которую звали Чжи Нян. - Чу И сейчас здесь. Хотите познакомиться с ним, сяньшэн? - говоря это, она двинулась вперед, показывая им дорогу. Остальные без единого слова расчищали им путь.

- Чу И, - Мо Шу поддерживал Нань Гэ'эра, идя позади. Услышав сказанное Чжи Нян, он, казалось бы, ненадолго задумался, затем ответил: - Чжи Нян, пожалуйста, позаботьтесь о приготовлениях.

- Слушаюсь.

"Чу И? Кто это?" - разум Нань Гэ'эра наполнило замешательство.

<http://bllate.org/book/14817/1320117>